

Какъ Лиса съ Волкомъ на добычу
ходила.

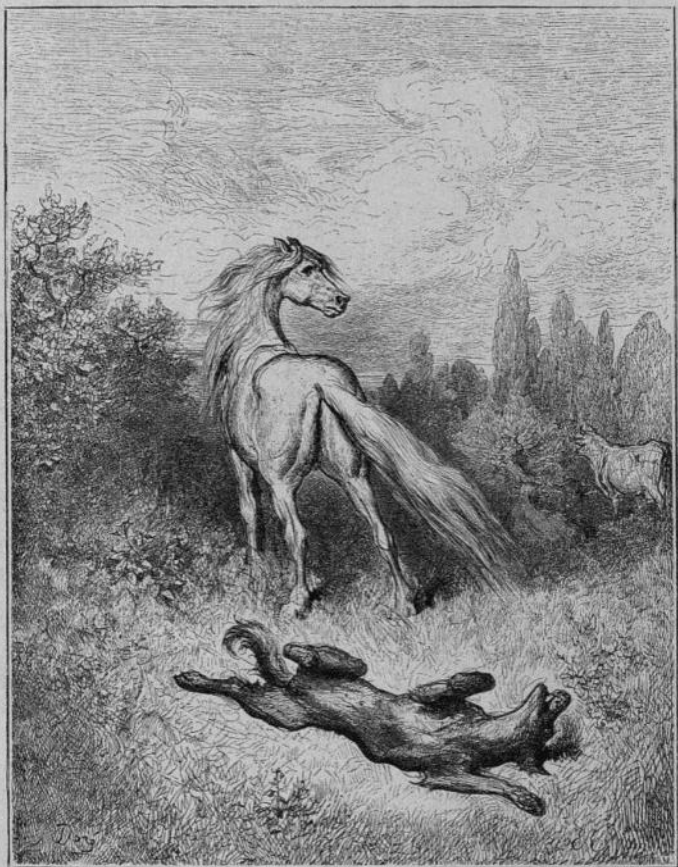
Идетъ Волкъ лѣсомъ, голодный-пеголодный. Съ тѣхъ поръ, какъ поймалъ онъ барана для лисицынаго мужа, ничего себѣ на прокормъ достать не могъ. Идетъ, хвостъ поджалъ, животъ у него ввалился, ребра выпятились, голова опущена,—глядь, а Лиса сидитъ у стога на полянкѣ да что-то кушаетъ. — Это она курочку промыслила, закопала ее въ сѣно, чтобы мужа не кормить, а теперь пришла тайкомъ пообѣдать. — Подошелъ къ ней Волкъ и спрашиваетъ: «Что ты, кума, кушаешь?» — «Эхъ, Евстифеюшка, худыя времена пришли: въ деревняхъ собаки злыя, мужики немилостивые, ничѣмъ раздобыться нельзя, — хоть съ голоду помирай. Ужъ который день мы съ мужемъ только сѣномъ и сыты. Поѣла сѣнца вотъ, понесу ему охачку, — тѣмъ и живемъ. А ты какъ?» Разказалъ ей Волкъ свою бѣду. «Ахъ, куманекъ, куманекъ, — говоритъ Лиса;—ужъ какъ мнѣ тебя жалко: послѣднимъ съ тобой подѣлюсь. На, родимый, сѣнца вотъ поѣшь. Да кушай, не жалѣй, на здоровье!» Пожевалъ-пожевалъ Волкъ сѣно,—нѣтъ, не идетъ въ глотку,—выплюнулъ.

А Лиса сидитъ и думаетъ: «Возьму-ка я съ собой Евстифейку на промыселъ; въ немъ силы больше моего, больше добычи будетъ.» И говоритъ Волку: «Пойдёмъ, куманекъ, вмѣстѣ на промыселъ; я ужь выслѣжу. Только, уговоръ лучше денегъ: вся добыча пополамъ.»

Пошли они вмѣстѣ и завидѣли, что стадо у опушки пасется, а одинъ Конь отбился и въ чашу зашелъ. «Стой, кума,—говоритъ Волкъ:—Конь нашъ будетъ. Только мнѣ сперва надо храбрости набраться.» Остановились они за кустами. Волкъ давай лапами землю рыть, рветъ и мечетъ, рветъ и мечетъ, а потомъ говоритъ: «Лиса, а Лиса! Что, у меня шерсть ошетибилась?»—«Ошетибилась.»—«А хвостъ поднялся?»—«Поднялся.»—«А глаза кровью налились?»—«Налились.»—«Ну вотъ, теперь хорошо: пойду Коня рѣзать.» Бросился Волкъ къ Коню: «Прощайся,—говоритъ,—съ вольнымъ свѣтомъ: сейчасъ я тебя зарѣжу.» А Конь ему: «Нѣтъ, братъ, этого нельзя. У меня паспортъ есть, чтобы вездѣ безъ обиды ходить.»—«Какой-такой паспортъ?»—«Да вотъ хоть самъ посмотри: на правой задней подковѣ все, какъ есть, прописано.» Подошелъ сдуру Волкъ паспортъ поглядѣть, а Конь его какъ хватить по башкѣ,—половина зубовъ у Волка такъ и вылетѣла; шаговъ на двадцать Волкъ отлетѣлъ, лежитъ, и память ему отшибло.

Насилу его Лиса кое-какъ отходила. «Нѣтъ, кумъ,—говоритъ,—эта добыча намъ съ тобою не по зубамъ.»

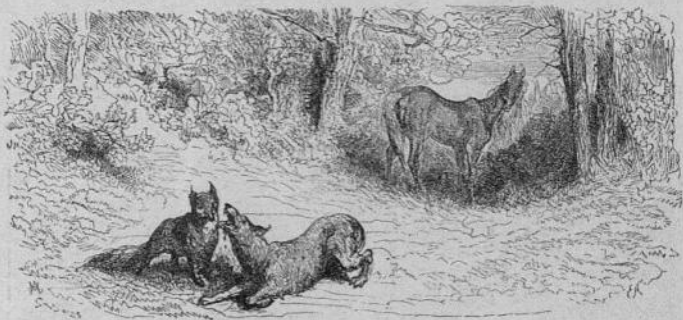
Пошли дальше: ходили-ходили, бродили-бродили, — вдругъ видитъ Лиса, что Баранъ одинъ на пригоркѣ пасется. «Вотъ это, кумъ, наша добыча. Ступай-ка, зарѣжь Барана, а я злѣсь за кустикомъ пока огонекъ разведу, чтобы мясо зажарить. Только, чуръ: мясо, какъ уговаривались, пополамъ.» Вышелъ Волкъ изъ кустовъ, сталъ подъ горкой, на которой Баранъ пасся, и кричитъ: «Эй ты, Баранъ-болванъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ, сейчасъ я тебѣ съѣмъ!»—«Что-жь,—говоритъ Баранъ,—наша доля такая баранья: кто-бъ ни съѣлъ, а съѣденнымъ быть. Только вотъ, что я тебѣ скажу: чѣмъ тебѣ сюда ко мнѣ лѣзть, ты лучше стань тамъ, внизу, да пастъ пошире разинь. Я прямо отсюда такъ тебѣ въ глотку цѣликомъ и вскочу!» Подумалъ Волкъ: «И то правда:

Шаювъ на двадцать Волкъ отлетѣлъ, лежитъ, и память ему отшибло.

на кручу не лѣзть и Лисѣ половину мяса не отдавать». — «Ну, прыгай,» — говоритъ. Разбѣжался Баранъ, да какъ стукнетъ Волка со всего разбѣга лбомъ по башкѣ, — тотъ и ногами задрыгалъ. А баранъ мотнулъ головой, и былъ таковъ.

Лежалъ-лежалъ Волкъ, очухался и сталъ думать: «Проглотилъ я Барана или не проглотилъ? Кабы проглотилъ, — такъ сытъ-бы былъ. Да и головѣ отчего-бы болѣть. Нѣтъ, видно, обманулъ онъ меня, разбойникъ.» Пришелъ къ Лисѣ. «А гдѣ-же Баранъ?» — спрашиваетъ Лиса. — «Да кто его знаетъ: такой воръ нынче народъ пошелъ. Какъ-то я его упустилъ».

Насилу его Лиса кое какъ отходила.

Пошли дальше. «Ты какъ хочешь, кума,» — говоритъ Волкъ, — а я пойду на деревню: тамъ скорѣ добычу найдешь; не-то этакъ и съ голоду помереть не долго». — «Ну, прощай, кумъ, счастливой охоты. А я среди бѣлаго дня на деревню не пойду». И побѣжала Лисичка домой.

Валить Волкъ прямикомъ на деревню; глядь, — около мельницы Свиныя съ поросятами пасется. Погнался, было, Волкъ за поросенкомъ, а Свиныя не даетъ. «Ахъ ты, свинья этакая, — говоритъ Волкъ, — да я и тебя-то разорву и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу!» — «Ну, — говоритъ Свиныя, — не

дуракъ-ли ты, Евстифейка? Поросята мои только что изъ лужи, всѣ грязные,— станешь ихъ ѣсть, песокъ на зубахъ скрипѣть будетъ. Вотъ, лучше, давай, я ихъ сперва вымою, а тамъ и ѣшь себѣ на здоровье». Поставила Свиныя Волка внизу, подъ мельничной запрудой противъ заставки, что воду запираетъ, и говоритъ: «Я моихъ поросятъ буду по одиночкѣ въ чистой водицѣ полоскать да тебѣ внизъ подавать». А сама какъ ухватить зубами заставку, да какъ выдернетъ ее, — вода хлынула на Волка, сбила его съ ногъ и понесла,—только Волкъ поворачивается.

Пришла Свинья домой, наѣлась, напилась и съ дѣтками на мягкую постель спать завалилась.

Какъ Лиса мужика отъ Волка выручила.

Осе-какъ выбрался Волкъ изъ воды, и бѣжитъ въ лѣсъ, въ глухую чащу пробирается. Вдругъ залаяли собаки, завидѣли Волка охотники, и погнались за нимъ. Ужъ вотъ-вотъ нагоняютъ; пришлось Волку черезъ дорогу перебѣгать, а на ту пору шелъ по дорогѣ мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Волкъ къ нему: «Сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! За мной охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ Волка, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи.